

В. В. Попов

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СВЯЗИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СО СВОБОДОЙ

Установление тесной взаимосвязи прав человека и свободы является нетривиальной задачей. При попытках логической формализации свободы выявляется ряд серьезных трудностей. Для смягчения проблем следует отойти от логических и перейти к идеологическим аспектам связи прав человека и свободы. Традиция связывать права человека со свободой является давней и оправданной, поскольку символизирует различие между деспотическими и прогрессивными путями развития государства. Но идеологический аспект связи прав человека со свободой выявляет методологические проблемы. Аксиологическая ценность свободы будет случайной в зависимости от наполняющего ее содержания. Результирующий вектор практического воплощения в жизнь также будет иметь случайную ценность — это может быть свобода и от порока, и от добродетели. Апелляции к сдерживающим факторам в форме гегелевской «философской образованности» неэффективны, что подтверждается конкретной исторической практикой, а также тревожными тенденциями государственно-правового развития и России, и зарубежных стран. В данном контексте представляется, что в идеологическом аспекте идея сочетания права со свободой представляется не безусловно прогрессивной и безопасной, что существенно ограничивает ценность подобного сочетания.

Ключевые слова: права человека, свобода, либерализм, идеология.

V. V. Popov

SOME IDEOLOGICAL PROBLEMS OF INTERCONNECTION BETWEEN HUMAN RIGHTS AND FREEDOM

Establishing a close relationship of human rights and freedom is a nontrivial task. Logical formalization of freedom reveals a number of serious difficulties. To mitigate problems we should drift away from the logical to the ideological aspects of the relationship between human rights and freedom.

The tradition to link human rights with freedom is long-standing and justified, because it symbolizes the distinction between despotic and progressive development of the state. But conjuncture between human rights and freedom in the ideological aspect reveals methodological problems. The axiological value of freedom is situational and depends on the content of freedom. The resulting vector of practical implementation will also have situational value. This may be the freedom from both — from blemish, and from virtue. Appeal to constraints in the form of Hegel's «philosophic level of education» is ineffective, as evidenced by specific historical practice, as well as the alarming trends of state and legal development of Russia and other countries. In this context, it seems that the ideological aspect of conjuncture between human rights and freedom is not certainly progressive and safe. This fact significantly limits the value of the given conjuncture.

Keywords: human rights, freedom, liberalism, ideology.

Изучение проблемы естественности прав человека неизбежно приводит нас к осознанию ценностей естественно-правовых идей в наше непростое время глобальной стратегической нестабильности. Потребность в таком осознании обусловлена тем, что состояние защищенности

прав человека в нашей стране по праву считается неудовлетворительным [1, с. 18]. Хотя подобное положение вещей присуще не только нашему государству.

Если исходить из красивой идеи о том, что ценность естественного права состоит в опоре на

нравственные ценности свободы, то можно легко установить определенную преемственность интеллектуальных достижений и античности, и средневековья, и нового времени с нынешними воззрениями на государственно-правовую действительность.

Вместе с тем, как автор писал в более ранних публикациях, возникают существенные затруднения логического характера при попытке выразить свободу как некую возможность и при этом сделать ее опорой прав человека.

Если толковать разрешение в описательном, дескриптивном контексте, то появляются проблемы истинности нормативных высказываний. Проблема эта достаточно давняя, и ее принято считать спорной. Одни авторы категорически убеждены в возможности истинности норм права, другие не менее категорично подобную возможность отрицают.

На возможности своеобразного компромисса между данными теоретическими взглядами навела автора настоящей статьи весьма любопытная позиция известного ученого Николая Николаевича Вопленко о сочетании истины и справедливости в праве [2].

В частности, думается, что следует различать семантические и прагматические аспекты высказываний, в нашем случае — нормативных высказываний. Рассмотрим в прагматическом аспекте идею Н. Н. Вопленко о том, что истина норм права и иных правовых средств есть выражение степени их соответствия идеалам практики прогрессивного развития общества [2, с. 10].

Гражданская позиция Н. Н. Вопленко находит полное понимание и вызывает глубокое уважение. И автор с такой позицией полностью солидарен. В определенной мере вызывает понимание и выбор терминологического аппарата. Термин «истина» не монополизирован логикой, о чем свидетельствуют, например, библейские тексты. Именно в них можно увидеть тот особый позитивно-ценностный оттенок, причем тяготеющий к ценностному абсолютизму, который придается истине. Совершенно очевидно, что религиозный, религиозно-фило-софский, философский контекст употребления термина «истина» не менее, а для многих людей и более значим, чем специфический логический контекст. Более того, в жизни большинства людей могут быть моменты, когда узкоспециальное значение термина

«истина» для них не важно.

Но означает ли это девальвацию специально-научного потенциала термина «истина», формально-логического контекста истинностной оценки? Думается, что ответ очевиден в своей истинности. Велика ли польза отказа именно в научных исследованиях от принципа однозначности именования? Вопрос также можно считать риторическим.

Если использовать узкое, специальное, формально-логическое толкование термина «истинность», то нет особой нужды расширять терминологию, указывая на издание «ложных» законов. Если использовать отмеченный еще Конфуцием принцип «чжэ мин» (исправления имен), то, называя вещи своими именами, допустимо утверждать, что законодатель иногда издает такие законы, что режим законности может вести к разрушению государства, уничтожению народа. Думается, что подобная гражданская позиция требует не меньшего мужества, чем признание истинности норм права, и заслуживает не меньшего уважения.

Вместе с тем для того, чтобы не только право, но и наука соответствовала и способствовала прогрессивному развитию общества, есть смысл поиска компромисса тех идеологических воззрений, которые прагматически ориентированы в одном направлении. Думается, что в период информационных войн подобный подход более полезен, чем вера в то, что цивилизационные уроки США — это мерило верификации процессов модернизации во многих странах мира [3, с. 10].

С этой позиции попробуем рассмотреть связь свободы с правами человека в несколько ином аспекте, заместив на время неблагодарное бремя логического доказывания более пластичным идеологическим оправданием.

Следует отметить, что автору такое замещение представляется довольно распространенной практикой нынешнего, фактически всеобъемлющего научного постмодернизма. По меньшей мере, речь можно вести о чрезвычайно распространенном в научно-гуманитарном мире постмодернистским отношением к рациональности.

Именно поэтому представляется целесообразным рассмотреть связь прав человека со свободой в идеологическом аспекте, не противопоставляя, однако, логическое и идеологическое.

В философской и юридической литературе, в правовых документах существует хорошо видимая тенденция связи права и свободы, прав человека и свободы.

В древней философии (у Аристотеля и Эпикура) речь идет о свободе от политического деспотизма.

Развитие этих идей в форме противопоставление государства (как правовой формы власти свободных людей) деспотизму (как насильственной власти и господству одних над другими, как отношений господства-подчинения) осуществлялось в дальнейшем Марком Тулием Цицероном, Аврелием Августином, Фомой Аквинским, Джоном Локком, Шарлем Луи Монтескье и другими мыслителями и потому может считаться имеющим давние традиции в истории философско-правовой мысли.

Пожалуй, наиболее интенсивно идею связи права и свободы отстаивал Георг Вильгельм Фридрих Гегель, считая «исходной точкой» права волю, которая свободна. Именно поэтому согласно Гегелю «...Право есть вообще свобода как идея» [4, с. 89].

Идя по стопам Гегеля, известный его исследователь и популяризатор, российский (советский) ученый Владик Сумбатович Нерсисянц явился основателем либертарно-юридической концепции права, отразив связь права и свободы в самом названии своего правопонимания (лат. *libertas* — свобода), считая право нормативной формой свободы, «математикой свободы» [5]. При этом государство представлено им и его последователями (прежде всего, В. А. Четвернинным) как институциональная форма свободы, причем в основу государства положена конституция, в основе которой лежат права человека. И это составляет основу права, связывающего государственную власть.

Это действительно интересная и понятная мысль.

«Власть законов» имеет серьезные преимущества перед властью людей в силу непостоянства человеческой природы. Справедливое, эффективное государственное управление в конкретный исторический момент не гарантирует исторической преемственности высокого качества управления. Судьба государства не должна зависеть от одного или нескольких человек.

Иными словами, «ручному» управлению, всецело

зависящему от усмотрения властителя и его доброй воли, противопоставлен закон как некий холодный, более стабильный, прогнозируемый и программируемый разум.

И подобные размышления не явились порождением интеллектуально-созерцательной эстетики. По своей сути — это отражение печальной закономерности утери связи власти с народом. И, соответственно, попытка поставить заслон этому.

Конечно, свободное усмотрение властителя можно облечь и в форму закона. Чтобы не плодить лукавство, прикрывая произвол, и была выдвинута мысль, что не всякая форма принуждения (например форма закона) делает его непроизволом, т. е. «правильным» принуждением.

В основание же «правильности» законов рядом мыслителей и была положена идея естественности свободы как основы естественности как права, так и прав человека.

Вместе с тем думается, что сама по себе реализация идеи свободы может оказаться столь же непрогнозируемой и, главное, непрограммируемой в своей «правильности». Мы имеем все шансы столкнуться с неким методологическим парадоксом. Сторонники свободы могут поневоле подготовить некую неприятность, ловушку для своих последователей, причем сама эта неприятность будет представлять собой как раз ту практическую проблему, от которой хотят уйти сторонники идеи свободы в основе права.

Дело в том, что, по мнению автора, сама по себе идея свободы в некотором смысле слепа. Ее можно наполнять практически любым содержанием. Аксиологическая ценность свободы будет случайной в зависимости от наполняющего ее содержания.

Результирующий вектор практического воплощения в жизнь также будет иметь случайную, любую ценность. Упрощенно говоря, это может быть свобода и от порока, и от добродетели.

При этом важно именно то, что сторонники идеи свободы в праве вовсе не ведут речь о тотальной свободе. Недаром Шарль Луи Монтескье указывал, что свобода есть право делать то, что дозволено законами [6].

Иными словами, это свобода лишь в отношении *некоторых* видов поведения. Конечно, это кажется вполне естественным. Довольно

мрачно об этом сказал Т. Гоббс, указав на полную свободу как на основание *bellum omnium contra omnes* (войны всех против всех), ведущей к гибели рода человеческого.

Но тогда каковы направления этой свободы? Кому выбирать то, что будет свободой, а что останется вне свободы? Так ли это тривиально и очевидно для всех? С большим знанием дела об этом высказался еще А. Линкольн, отметив, что «Мы все за свободу, но, употребляя одно и то же слово, мы не имеем в виду одно и то же... Так получается, что процесс ежедневного освобождения тысяч людей от рабской зависимости одни приветствуют как прогресс свободы, а другие клянут как уничтожение всякой свободы» [7, с. 253].

Полезно рассмотреть некоторые конкретные примеры введения свободы в государственно-правовую жизнь нашей страны.

В апреле 1917 г. под лозунгом свободы была проведена широкомасштабная амнистия, когда на свободу вышло около 90 тысяч осужденных, большинство из которых составляли уголовники. А незадолго до этого события был упразднен Департамент полиции МВД (11.03.1917 г.) и Отдельный корпус жандармов (06.03.1917 г.). Конечно, нельзя не отметить, что 17.04.1917 г. было издано постановление Временного правительства «Об учреждении милиции». Но нельзя также не отметить, что искусственно созданные сложности реформирования полиции в милицию, а также нацеленность последней в основном на поиски и аресты бывших представителей власти привели к буйству свободы в виде всплеска преступности, безвластия и анархии.

Если вспомнить идею И. Бентама о том, что удовольствие как основное мерило правильности поступков должно стоять выше оков нравственности, то весьма любопытно смотрится и такая новелла революции, как свобода гомосексуалистов от юридического преследования, свобода общества от «оков» традиционной семьи.

Какие еще свободы были подарены нашей стране в 1917 г.? Это свобода роста цен, свобода от военной обязанности, свобода стачек и забастовок на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. Но почему бы сеятелям свободы из руководства страны не посмотреть в то время на такой оплот либерализма, как Англия? Например, министр

труда Великобритании отмечал, что когда началась война, рабочим было предложено временно отказаться от борьбы за свои права и они во имя интересов государства отказались, работая по семь дней в неделю, не зная ни праздников, ни отдыха [8, с. 165].

Но нет, Временное правительство весьма активно строило свой «храм свободы», вводя свободу от единоначалия в армии (право комитетов из выборных представителей нижних чинов воинских частей возражать против назначения военачальников), свободу офицеров от оружия, фактический роспуск армии (свобода страны от армии). Да, это действительно свобода, возразить нельзя. И особенно любопытно эта свобода смотрится в конкретно-исторической ситуации — страна находилась в состоянии войны, и тогда открывалась прямая дорога вообще к свободе нашего государства от суверенитета.

Интересные исторические аналогии просматриваются и в недавнем времени. В 1991 г. под лозунгом свободы были введены свобода роста цен (Постановление Правительства РСФСР от 19.12.1991 г. № 55 «О мерах по либерализации цен»), свобода гомосексуалистов от уголовного преследования (Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» от 29.04.1993 г. № 4901-1). Можно говорить о своеобразной свободе от (наличия) профессионалов в армии, органах государственной безопасности, иных правоохранительных органах на фоне взрывного роста криминалитета. И ведь это тоже свобода.

Как шла реализация идей экономической свободы? Не должно быть никакого внеэкономического принуждения, заклинали нас, ибо такое принуждение — это несвобода. И действительно — не было никакой несвободы в виде административных барьеров, могущих наложить ограничения ради защиты общественных интересов при приватизации за бесценок ключевых, системообразующих, стратегических предприятий в период приватизации.

Только лишь экономическая выгода может являться потенциальным ограничителем свободы? Но чья это была выгода и чья свобода не должна была ограничиваться при такой приватизации? Такие вопросы особенно актуальны, если вспомнить, как необычайно

«удачно» сочеталась, например, приватизация с ослаблением (в ходе реформирования в августе — декабре 1991 г.) такого «душителя свободы», как КГБ СССР. Актуальность вопроса возрастает особенно, если учесть, что советниками российских государственных служащих, организующих и осуществляющих приватизацию, были сотрудники Центрального разведывательного управления США. Об этом, в частности, заявил Президент России В. В. Путин в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» 25.04.2013 г. [9].

В данной связи большим социальным благом выглядят, например, ограничения в реализации некоторых положений закона от 06.12.1995 г. № 225 ФЗ («О соглашениях о разделе продукции»). По сути — это приостановка освобождения страны от распоряжения собственными природными ресурсами. И именно эта несвобода способствует прогрессивному развитию российского общества, хотя, вероятно, несколько препятствует, например, вольному развитию стран ЕС, США и прочих «ревнителей свободы».

В настоящее время наметились тревожные тенденции освобождения общества от национально-культурной, религиозной, гендерной идентичности. Следует четко понимать, что в отмеченных сферах речь идет именно о коллективной идентичности, а это есть нечто противоположное либерально-индивидуалистической идентичности. Собственно поэтому закономерным можно считать, например, присущее либерализации планомерное оправдание гомосексуализма, переходящее в его пропаганду на государственном уровне. Например, по сообщению РИА «Новости» от 25.06.2014, вице-президент США Джо Байден заявил, что все *правительственные структуры* США получили указание уделять приоритетное внимание продвижению прав геев и лесбиянок *за рубежом* [10].

Последовательность подобного оправдания обусловлена именно либерально-индивидуалистическим отказом от такой формы коллективной идентичности, как гендерная идентичность.

В современном западном обществе явно начинают просматриваться такие опасные тенденции, как, например, оправдание педофилии как формы свободы сексуального самоопределения, каннибализма как одной из форм свободы гастрономических пристрастий.

Нелишне напомнить, что подобные свободы вполне укладываются в давно сформулированные и концептуально обоснованные методологические схемы именно одного из основателей идеологии либерализма И. Бентама — удовольствие как основной критерий полезности, правильности поступка.

Важно понимать, что такие формы свободного самовыражения, как, например, гомосексуализм, педофилия, каннибализм и прочие, не являются ни единственными, ни случайными девиациями из общего позитивного развития свободы человека. Например, еще Эрих Фромм отмечал, что освобождение человека от коллективных форм человеческого общежития, превращение его в изолированный атом испугало человека. Именно этот страх заставил этого освобожденного человека искать прибежище в идолопоклонстве крови и почве, что трансформировалось в итоге в национализм и расизм [11, с. 474]. Как это новое идолопоклонство развивалось в государственно-правовых формах — наглядно продемонстрировала Вторая мировая война.

Существенной, очень сложно решаемой проблемой для многих стран является их освобождение от финансового суверенитета. Сама же потеря такого суверенитета представляется вполне очевидной при внимательном рассмотрении устройства современной мировой финансовой системы и особенностей интеграции в нее национальных систем.

Рамки настоящей статьи не позволяют даже кратко рассмотреть указанные перспективы развития идей свободы, однако даже на уровне постановки проблемы подобные перспективы можно рассматривать как определенную угрозу интересам национальной безопасности не только нашей страны.

Конечно, на подобную интерпретацию свободы можно взглянуть скептически, призвав на помощь классиков философии. Да, можно вспомнить слова Гегеля о том, что называть проявлением свободы любой произвольный поступок человека — значит демонстрировать полную философскую необразованность.

Но нельзя не заметить, что если с толкования свободы сняты первичные логические ограничения, если семантические ограничения сдаются под натиском прагматических, то вторичные ограничения в виде любой другой

«логики» рассуждения могут вести нас куда угодно.

Мы отступаем от алетического и нормативного толкования свободы, когда это по какой-либо причине неудобно, а получив плацдарм для развития идеи, используем логическую терминологию исключительно ситуативно, по удобству, продиктованному произвольными соображениями. И свобода вдруг вновь предстает перед нами в весьма почтенном облике «необходимости» и «объективности». Эти «вторичные» (в силу своей оторванности от первичных, логических корней) объективность и необходимость теперь уже толкуются исключительно в контексте философского воспитания толкователя свободы. А поскольку подобный толкователь уже мало чем связан, кроме *собственного* философского воспитания, то «объективность» и «необходимость» в таких случаях не более чем метафоры, наполненные сугубо идеологическим содержанием.

Если от произвольного толкования свободы нас отграничивает лишь философская образованность толкователя свободы, то будет весьма познавательно посмотреть, каковы же плоды древа миропонимания, возвращенного пиитами свободы. А плоды эти часто весьма неприглядны. Например, такой признанный идеолог либерализма и прав человека, как Джон Локк, весьма успешно совмещал свои рассуждения о правах человека и ценностях свободы с занятиями работорговлей. Именно Локк был одним из первых акционеров Королевской африканской компании (монополиста работорговли в Великобритании, созданной королевским декретом в 1682 г.), который вложил все свои деньги в работорговлю. А немногим ранее (в 1669 г.) он явился соавтором конституции Каролины, юридически признававшей негритянское рабство [12, с. 15, 16].

Вот мы и сталкиваемся с особенностями философской образованности, когда вся работа «Второй трактат о правлении» (Полное название работы: «Два трактата о правлении: В первом ложные принципы и основания сэра Роберта Филмера и его последователей исследуются и опровергаются; Второй есть опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления») пронизана идеей о том, что естественной свободой считается право распорядиться дарами Господа «с умом», что порождает право на конфискацию земель и

порабощение. И если Локк признавался интеллектуальным вождем своего столетия, то вполне естественной кажется мысль о неразрывности связи локковского либерализма с английским колониализмом. Более того, некоторые авторы прямо указывают, что именно учение Локка как нельзя лучше соединяло (либеральную) теорию с (колониальной) практикой [13, с. 603].

Несложно заметить, что каркас философской образованности настолько «гибок», что он отнюдь не стабилизирует столь зыбкий фундамент права и прав человека, как свобода. И польза от такого пластичного фундамента совершенно не очевидна.

Таким образом, представляется, что в идеологическом аспекте идея сочетания права со свободой представляется вовсе не безусловно прогрессивной и безопасной, что существенно ограничивает ценность подобного сочетания.

Именно поэтому поиск истоков естественности прав человека представляется более целесообразным вести в иных направлениях.

Список библиографических ссылок

1. Редько А. А. Правоприменение и правозащитная система (теоретический аспект) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3.
2. Вопленко Н. Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3.
3. Жуланов А. В. Национальные особенности функционирования полицейского образования в США // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
5. Нерсисянц В. С. Право — математика свободы. М., 1996.
6. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 289; Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск, 2002. С. 165.
7. Селзам Г. Мораль и право. М., 1962.
8. Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск, 2002. С. 165.
9. Путин В. В. Программа «Прямая линия с Владимиром Путиным» 25.04.2013 г. Стенограмма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17976> (дата обращения: 17.05.2013).
10. Байден поставил права гомосексуалистов выше национальной культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20140625/1013474842.html> (дата обращения: 27.06.2014).
11. Фромм Э. Пути из больного общества / Проблема человека в западной философии. М., 1988.
12. Маккарти Т. Либеральный империализм и дилемма развития. Логос. 2006. № 6 (56). С. 15, 16.
13. Armitage David. John Locke, Carolina and the Two Treatises of Government. Political Theory. Sage Publications. October 2004 32: 602—627.

© Попов В. В., 2015